

Второй похититель бесцеремонно схватил Хань Хэна за плечи и толкнул к воде, сокрушённо вздыхая:

— И то правда... У каждой беды есть свой виновник. Если кого и винить, так только тебя самого. Дёрнуло же тебя так близко сойтись со вторым молодым господином, да ещё и старшему на глаза попасться! Эти двое братьев — как кошка с собакой, ни один не вынесет, если у другого появится что-то хорошее. Так что ты зла на нас не держи, дело житейское. Мы просто кусок хлеба себе зарабатываем, чур, к нам потом не приходить.

Хлёсткий удар оборвал его бесконечную болтовню.

— Слишком много треплешься! Живее за дело! — судя по всему, прикрикнул старший из похитителей.

Связанного по рукам и ногам Хань Хэна бесцеремонно подхватили: один за плечи, другой за лодыжки — и с натужным кряхтением швырнули в воду.

Озеро встретило его оглушительным всплеском. Вода мгновенно хлынула со всех сторон. Перед тем как уйти на глубину, Хань Хэн успел инстинктивно набрать в лёгкие побольше воздуха. Однако из-за пут он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Он падал лицом вниз, из последних сил стараясь хотя бы выпрямиться.

Над головой колыхалась зеленоватая толща воды. В этой беде было лишь одно слабое утешение: на сей раз ему не придётся умирать в крошечной тьме. Хань Хэн горько усмехнулся собственной иронии. Силы медленно, капля за каплей, покидали его. Он равнодушно наблюдал, как из его ноздрей одна за другой вырываются цепочки серебристых пузырьков и устремляются к далёкому зеркалу поверхности.

Вскоре лёгкие начало жечь от нехватки кислорода, а к лицу прилила горячая кровь.

Потоки воды лениво вращали его в глубине. Вдруг на самом дне мелькнули крошечные искры света. Поначалу Хань Хэн счёл это предсмертным бредом, но, повернувшись ещё пару раз, понял: там действительно что-то сияло. Он изо всех сил сощурился, пытаясь сфокусировать зрение, и разглядел внизу сплошное, мягко мерцающее марево.

Он подтянул колени к груди, пытаясь дотянуться до спрятанного в голенище сапога кинжала, но крепко стянутые за спиной руки лишали его малейшего шанса. Всё было тщетно.

В отчаянии он сжал пальцы ног в сапогах, пальцы рук скрючились в бесполезные кулаки. Время потеряло счёт. Наконец, не выдержав спазма, он шумно выдохнул остатки воздуха. Озёрная вода тут же ринулась в нос, в рот, забила уши. В голове раскатисто загудело.

Перед глазами заплясали искры, а следом, сменяя друг друга, хлынули чужие, незнакомые

воспоминания.

Какой-то юноша, у которого между бровей горела алая отметина в форме язычка пламени, смотрел на него с нескрываемой ненавистью. Губы незнакомца шевелились, но Хань Хэн не мог слышать ни слова.

Грудь разрывало от невыносимой боли.

Хань Хэн распахнул глаза. Сквозь мутную пелену до него вдруг дошло: этот юноша — вылитый портрет с того свитка, разве что моложе, беззащитнее, и с этим странным алым клеймом во лбу.

«Отобрал...»

«Не он...»

«Ненавижу...»

«Бессердечный...»

Обрывочные фразы вспыхивали в гаснущем сознании, но собрать их воедино уже не хватало сил — лёгкие были готовы разорваться.

С трудом сомкнув отяжелевшие веки, Хань Хэн перестал бороться и позволил себе просто тонуть.

Единственное, чего он теперь страстно желал — поскорее умереть. Лишиться чувств. Раз уж спастись невозможно, пусть этот кошмар поскорее закончится. Сука, как же это больно... Казалось, ласковые, обманчиво мягкие объятия воды вот-вот разорвут его плоть на куски, а кости разлетятся в прах.

Из пресной воды озера со связанными руками и ногами выбраться было невозможно, как ни пытайся держать баланс.

Едва похитители скрылись, как с ветвей дерева в нескольких метрах от берега бесшумно скользнули две тени — Цзячу и Ивэй.

В этот же миг сквозь лесную глушь донёсся стремительный топот копыт. К озеру вылетел статный всадник в тёмно-пурпурном чиновничьем одеянии — Чжуан Лин. Оценив выражение лица своего господина, гвардейцы без лишних слов бросились в холодную воду.

Спустя мгновение мокрый какмышь, бездыханный Хань Хэн уже лежал на пожухлой траве у ног Чжуан Лина. Цзячу мигом перерезал путы на его запястьях и лодыжках.

Чжуан Лин опустился на колени и резко прижал пальцы к шее спасённого. Его собственное сердце, до этого бешено колотившееся в груди, мгновенно успокоилось, стоило лишь ощутить слабое тепло кожи и мерные, пусть и редкие толчки сонной артерии. Он жив.

Заметив, что взгляд господина потеплел, Цзячу понял, что беда миновала. Он шагнул вперёд и почтительно склонился:

— Молодой маршал, не извольте беспокоиться, мы подросли вовремя. Позвольте вашему слуге оказать ему помощь.

Чжуан Лин и сам прекрасно знал, что нужно делать. Пускай он родился в княжеских покоях, но возмужал на полях сражений, где повидал немало смертей. Молодой маршал не двигался с места, и Цзячу не осмеливался проявить самоуправство. В следующую секунду гвардеец ошеломлённо застыл.

Чжуан Лин грубовато приоткрыл рот Хань Хэна и согнутым пальцем выгреб оттуда два грецких ореха, которыми похитители заткнули ему рот. Очевидно, спасти утопленника он вознамерился лично. Однако, к полному недоумению слуги, пальцы Чжуан Лина почему-то задержались на чужих губах.

Цзячу и Ивэй быстро обменялись понимающими взглядами и синхронно отвернулись.

Приподняв безвольное тело Хань Хэна за плечи, Чжуан Лин немного помедлил и сорвал с него маску из человеческой кожи. При виде изуродованного, пугающего лица его взгляд на мгновение потемнел. Но уцелевшие, очерченные нежной линией губы Хань Хэна, приоткрытые из-за крепкой хватки на челюсти, обнажали мягкую розовую плоть рта — беззащитную и манящую. Чжуан Лин осторожно коснулся пальцами влажного языка Хань Хэна. От этого мимолётного прикосновения юный принц Чжуан ощутил внезапный, обжигающий прилив жара внизу живота.

В памяти мгновенно воскрес тот сладкий, дурманивший вкус, который он познал, когда в прошлый раз проучил негодника. В висках настойчиво запульсировала кровь, разливая по телу томительную, непреодолимую истому.

В этот миг уродство Хань Хэна словно стёрлось для него. Затуманившимся взором Чжуан Лин неотрывно смотрел на приоткрытый рот и не смог противиться искушению вновь изведать эту сладость.

Зажав Хань Хэну ноздри, он сделал глубокий вдох и приник к его губам. Впуская воздух в его лёгкие, Чжуан Лин бесцеремонно вторгся языком в чужой рот, лаская податливую плоть и очерчивая ровный ряд зубов. Он целовал его жадно, с влажным, тягучим причмокиванием, и

отстранился лишь тогда, когда кислород иссяк, чувствуя, что так и не утолил голод.

Гвардейцы стояли с каменными лицами, уставившись строго перед собой, однако кончики их ушей предательски пылали.

Средь бела дня, с едва живым утопленником... Что и говорить, у их господина вкусы были весьма незаурядными.

Хань Хэн судорожно закашлялся, со свистом выталкивая скопившуюся в лёгких воду. Сквозь полуприкрытые веки пробился режущий дневной свет. Не успел он толком сфокусировать взгляд на своём спасителе, как его сгребли в охапку и с невероятной силой прижали к широкой груди.

Незнакомец мелко дрожал, но заговорил сурово и властно:

— Разве я не наказывал тебе носа на улицу не показывать?! Даже Цзячу с собой не взял! Какого чёрта ты вечно нарываешься на неприятности?!

Хань Хэн попытался высвободиться и оттолкнуть Чжуан Лина, чтобы хоть что-то возразить, но едва они разделились на дюйм, как крепкие пальцы впились в его плечи, а губы Чжуан Лина на корню пресекли любую попытку заговорить.

Хань Хэн опешил. Сердце испуганной птицей заколотилось в грудной клетке, мысли разлетелись, а сам он в полной растерянности снова попытался упереться руками в чужую грудь.

Однако Чжуан Лин действовал напористо и молниеносно. Он без труда разомкнул его податливые губы и глубоко, властно завладел чужим языком, вовлекая Хань Хэна в ураганный, лишающий воздуха поцелуй.

От этого напора Хань Хэн окончательно пришёл в себя.

И, надо признать, Чжуан Лин целовался чертовски хорошо. Настолько, что в голове билась лишь одна мысль: «Просто с ума сойти».

Мягкое, хмельное тепло и тонкий мятный аромат, исходивший от дыхания мужчины, заставляли вибрировать каждую нервную клетку Хань Хэна.

Чжуан Лин только что соскочил с коня, и исходивший от него густой, терпкий запах разгорячённого мужского тела окончательно лишил ослабевшего Хань Хэна сил. Взор затуманился, дыхание перехватило. Хань Хэн уже и забыл, когда в последний раз целовался с кем-то столь самозабвенно. Его веки затрепетали, он блаженно прикрыл глаза. Без сомнения, этот поцелуй превосходил всё, что он испытывал доселе. Это не шло ни в какое сравнение с

неловкими прикосновениями губ в его прошлой жизни. Целоваться с Чжуан Лином было всё равно что заигрывать с голодным хищником, готовым сожрать тебя без остатка. Опасность пьянила, а искушение лишало воли, увлекая на самую глубину.

Прежде чем включился разум, руки Хань Хэна сами собой обвили шею Чжуан Лина. Когда у того заалели щёки и он попытался было отстраниться, Хань Хэн крепко перехватил его за затылок, притягивая обратно к себе.

В глубине глаз Чжуан Лина вспыхнуло яростное пламя. Он сменил тактику — целовал то тягуче-медленно, то порывисто и зло, безжалостно играя на его чувствах.

Ни один из них не желал уступать лидерство в этой безмолвной борьбе — ведь оба были мужчинами. Они терзали друг друга до тех пор, пока губы полностью не онемели, а по телам не пробежала сладкая дрожь. Лишь тогда они нехотя отпрянули.

Хань Хэн судорожно хватал ртом воздух. Голова прояснилась как никогда прежде. Кончиками пальцев он бережно коснулся лица Чжуан Лина, очерчивая линию его бровей. Из объятий удушающей, безжалостной тьмы этот человек вновь вытащил его к свету. И ведь это происходило уже далеко не впервые.

— Я тоже мужчина, — хрипло выдохнул Хань Хэн.

Их тела были тесно прижаты друг к другу, и оба понимали, что партнер взвинчен до предела.

Привычная, казалось бы, навек застывшая маска холодного высокомерия на лице Чжуан Лина дала трещину. Смущённый румянец шёл ему невероятно — Хань Хэну подумалось, что за всё время их знакомства этот грозный воин ещё никогда не выглядел столь притягательным и... обезоруживающе живым.

— Ну и что с того? — Чжуан Лин вызывающе выгнул бровь.

Он намеренно прижался напряжённой плотью к бедру Хань Хэна и вновь накрыл его губы поцелуем, искусно дразня кончиком языка его нёбо. Удивительно: юный принц Чжуан никогда прежде не предавался подобным утехам, однако сейчас действовал так уверенно и сладостно, словно постиг это искусство без всяких учителей.

Тонкая нить благоразумия в голове Хань Хэна окончательно лопнула. В конце концов, он был сыном своего безумного века, привыкшим брать от жизни всё здесь и сейчас. Пока длился этот безумный поцелуй, он без стеснения разглядывал искажённое вождением лицо Чжуан Лина — мужчины, который желал его даже таким, со всеми жуткими шрамами. Запустив пальцы в густые чёрные волосы князя, Хань Хэн отдался на волю его жадным ласкам, отвечая взаимностью с не меньшим пылом.

Лишь спустя добрых полчаса они наконец поднялись с сырой земли — разгорячённые, взъерошенные, в насквозь промокших и измятых одеждах.

— А где мои люди? — спросил Хань Хэн. Холодный озёрный ветер заставил его содрогнуться от озноба, и он звонко чихнул.

Чжуан Лин сорвал с плеч тяжёлый суконный плащ и широким жестом укутал Хань Хэна с головы до ног.

Когда к лицу последнего прилиwała кровь, уродливые рубцы проступали ещё отчётливее, делая его облик почти пугающим.

Чжуан Лин слегка отвёл взгляд, и бушевавший в груди пожар понемногу утих. Он вспомнил ту ночь, когда приглашённый в покои смазливый актёр из кожи вон лез, пытаясь ему угодить, но вызвал у князя лишь глухое отвращение. Чжуан Лин тогда выставил его вон под предлогом усталости, едва не прослав среди слуг бессильным евнухом.

А сейчас, средь бела дня на заброшенном берегу, он едва не сорвал с Хань Хэна одежды прямо на грязную траву. Юный принц Чжуан провёл ладонью по лицу, стирая холодную испарину.

«Мужчины из племени Тяньи способны даровать жизнь потомству... — промелькнуло в его мыслях. — Возможно, сама их природа таит в себе неведомое, притягательное волшебство».

Не дождавшись ответа, Хань Хэн бесцеремонно ткнул Чжуан Лина локтем под рёбра.

— Цзячу разыскал их чуть раньше. Я уже велел доставить их на постоянный двор, — Чжуан Лин мгновенно посерьёзшел. — Идём. Если не снимешь это мокрое тряпье, снова свалишься в лихорадке.

— Погоди, — Хань Хэн крепко ухватил его за рукав и с живым любопытством уставился на озёрную гладь. — Мне нужно спуститься на дно.

— Сейчас?!

— Именно сейчас. На самом дне озера скрыто что-то светящееся, — глаза Хань Хэна горели неподдельным азартом.

Чжуан Лин облегчённо выдохнул:

— Зачем лезть самому? Ивэй, проверь там всё.

Раздался громкий всплеск — преданный гвардеец без лишних расспросов ушёл под воду.

Хань Хэн старался держаться к Чжуан Лин вполоборота, пряча смущение. В груди всё ещё гулко ухал пульс. Как ни странно, в эту минуту он впервые порадовался своему уродству — шрамы надёжно скрывали краску стыда, горевшую на щеках. Плотнo укутавшись в тяжёлый плащ, он почувствовал, как по замёрзшим конечностям наконец разливается живительное тепло.

<http://bllate.org/book/20487/2193074>